

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
358

Robert Seethaler
EIN GANZES LEBEN

Серия «Шорт-лист»

Перевод с немецкого *Марии Деминой*

Издание публикуется с разрешения издательства
Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG

Художник *Екатерина Белявская*
Дизайнер *Василий Половцев*

Зеталер, Роберт.

358 **Вся жизнь: роман / Роберт Зеталер; [пер. с нем. М. Деминой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Шорт-лист).**

ISBN 978-5-17-102467-3

Андреас Эггер вырос в далекой альпийской деревушке, не зная, что представляет собой мир за окружающей ее горной чередой. Простой физический труд, любовь к прекрасной девушке, спокойная, размеренная жизнь — все это оказалось чрезвычайно хрупким перед лицом природной стихии и Второй мировой войны.

Это нежная и красивая история об отношении человека и природы, об одиночестве, о наступлении современного мира — а главное, о повседневных мелочах, которые и делают нас теми, кто мы есть.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

Copyright © 2017 Carl Hanser
Verlag GmbH & Co. KG

© Демина М., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-102467-3

* * *

Однажды утром, в феврале 1933 года, Андреас Эггер нашел полумертвого Йоханнеса Калишку — жители долины называли козьего пастуха не иначе как Ханнес-Рогач — на промокшем насквозь и пропахшем кислятиной соломенном тюфяке и потащил его вниз, в деревню, три километра по горной тропе, погребенной под толстым слоем снега.

Повинуясь странному предчувствию, Эггер заглянул в хижину, где и обнаружил Ханнеса-Рогача, съжившегося под грудой старых козьих шкур у давно остывшей печи. Пастух, исхудавший до костей и бледный как призрак, так посмотрел на Эггера из темноты, что тому стало ясно: смерть уже близко. Эггер взял Ханнеса на руки, будто ребенка, и

бережно усадил на выложенные сухим мхом деревянные носилки, в которых пастух всю жизнь таскал на спине по горам то дрова, то раненых коз. Эггер обмотал себя веревкой, привязал ее к носилкам да затянул покрепче, даже дерево затрещало. Спросил у пастуха, не больно ли ему, тот отрицательно покачал головой и криво улыбнулся. Эггер знал, что пастух лжет.

Первые недели года выдались необычайно теплыми. В долинах таял снег, в деревне повсюду слышались капель и журчание талой воды. Но за последние дни опять сильно похолодало, и снег, куда ни погляди, валил так густо и мягко, что поглотил всю округу, все живое, заглушил всякий звук. Первые несколько сотен метров Эггер шел молча, и словом не обменявшись с пастухом, дрожавшим у него за спиной. Какие тут разговоры, когда надо следить за тропой, крутым серпантинном вьющейся вниз по горе, идти наугад, ведь из-за снегопада она едва заметна в снежном вихре. Он только чувствовал порой, как Ханнес-Рогач шевелится на носилках.

Ein ganzes Leben

Вся жизнь

— Не вздумай мне тут помирать, — пробурчал Эггер себе под нос, не ожидая ответа.

Еще почти полчаса он слышал вместо ответа лишь свое тяжелое дыхание, но вдруг сзади раздался голос:

— Умереть — это еще не так плохо.

— Вот только не на моем горбу!

Эггер остановился, чтобы поправить кожаные ремни на плечах, и на миг прислушался к бесшумно падающему снегу. Глухая тишина. Молчание гор, столь хорошо ему знакомое, всегда способно наполнить сердце страхом.

— Не на моем горбу, — повторил он и двинулся дальше.

За каждым поворотом снегопад, казалось, становился все гуще, мягкий снег падал беспрерывно и беззвучно. Ханнес почти не двигался, а потом и вовсе прекратил шевелиться, и тут Эггеру померещилось худшее.

— Ты там помер, что ли? — спросил он.

— Нет, черт ты хромой! — последовал поразительно четкий ответ.

— Да я так, просто спрашиваю. Ты продержись до деревни, потом делай что хочешь.

— А если не продержусь?

— Надо! — отрезал Эггер.

Решил, что хватит разговоров, и на следующие полчаса между ними воцарилось молчание. Не дойдя до деревни метров трехсот по прямой, на Коршуновой гряде, где первые сосенки горбились, словно карлики, с головой укрытые снегом, Эггер сбился с тропы, споткнулся, плюхнулся на зад и заскользил вниз по склону, пока не врезался метров через двадцать в огромный, человеческого роста, валун. Под скалой не чувствовался ветер, и снег как будто падал здесь еще медленнее, еще тише. Эггер сидел на снегу, чуть откинувшись на носилки. В левом колене ощущалась колющая, но все-таки терпимая боль, главное — нога осталась цела. Ханнес долго не шевелился, потом вдруг закашлялся и даже заговорил хриплым и таким тихим, что слов почти не разберешь, голосом:

— Где ты хотел бы лежать, Андреас Эггер?

— Что?!

— В какой земле будет твоя могила?

— Не знаю, — ответил тот.

Ein ganzes Leben

Вся жизнь

Эггер никогда о таком не думал, он вообще считал, что подобные вопросы не стоят ни времени, ни размышлений.

— Земля есть земля, где лежишь — неважно.

— Может, оно и неважно, под конец уже все неважно, — слышался шепот Ханнеса. — Но вот холод? Такой холод, что разъедает кости. И душу тоже.

— И душу тоже? — переспросил Эггер. Вдруг его охватила дрожь.

— Душу — прежде всего! — ответил пастух. Насколько мог, он высунул голову из-за края носилок и разглядывал стоящий стеной туман и падающий снег.

— Душу, и кости, и разум, и все, что человек в течение жизни любил и во что верил. Вечный холод пожирает всё. Где-то это написано, как я слышал. Люди говорят, будто из смерти рождается новая жизнь. Но ведь люди глупее, чем самая глупая коза. Послушай меня: из смерти ничего не рождается. Смерть — это Ледяная Дама.

— Ледяная... кто?

— Дама, — повторил Ханнес. — Она является из-за гор, крадется по долинам. При-

ходит, когда захочет, и берет, что захочет. У нее нет ни лица, ни голоса. Ледяная Дама! Пришла, взяла и ушла прочь. Вот и всё. Схватила тебя мимоходом, уволокла за собой, бросила в какую-то яму. Пока тебя не закопали, ты последний раз в жизни видишь клочок неба, но тут является она, чтобы напоследок обжечь ледяным дыханием. Тебе ничего не остается, только тьма. И холод.

Подняв взгляд в заснеженное небо, Эггер вдруг испугался, что вот-вот увидит перед собой ту самую Даму. И ощутит ледяное дыхание.

— Боже мой, — выдавил он сквозь зубы, — плохо дело.

— Да уж, ничего хорошего, — подтвердил Ханнес срывающимся от страха голосом.

Оба сидели не шелохнувшись. Тишину теперь прерывала лишь тихая песня ветра — касаясь горного хребта, тот увлекал за собою снег, и казалось, будто на вершине развеваются снежные флажки. Вдруг Эггер почувствовал движение и в следующую секунду завалился на спину, прямо на снег. Каким-то образом Ханнес-Рогач смог ослабить узлы и

Ein ganzes Leben Вся жизнь

мигом выбраться из носилок. Поднялся на ноги, тощий, в лохмотьях, стоит, слегка пошатываясь на ветру. Эггера вновь проняла дрожь.

— Ну-ка, забирайся обратно, — велел он. — Иначе с тобой опять что-нибудь случится.

Ханнес замер, вытянув шею. На миг показалось, будто он внимает словам Эггера, едва слышным в густом снегопаде. Но он, вдруг тронувшись с места, широким шагом направился прямо вверх. Эггер попытался подняться, поскользнулся и тут же упал, выругался, помог себе руками и все-таки встал на ноги.

— Вернись! — кричал он вслед пастуху, взбирающемуся в гору с поразительной скоростью.

Но Ханнес-Рогач не слышал. Скинув с плеч ремни, Эггер бросил носилки и пустился за ним, но не пробежал и нескольких метров. Остановился, задыхаясь, — склон горы был здесь слишком крут, на каждом шагу Эггер по пояс утопал в снегу. Наверху тощая фигура все уменьшалась и наконец вовсе рас-

Robert Seethaler

Роберт Зеталер

творилась в непроницаемой снежной мгле. Сложив ладони рупором, Эггер крикнул что есть силы:

— Стой! Стой, пес паршивый! От смерти еще никто не убежал!

Все напрасно: Ханнес-Рогач скрылся из виду.

Преодолев последнюю пару сотен метров, отделявшую его от деревни, Андреас Эггер зашел в трактир «Золотая серна», желая согреть свою перепуганную душу, и заказал жаренных на сале пышек да самогонку на травах. Уселся возле старой изразцовой печи, положил руки на стол и почувствовал, как постепенно согреваются заледеневшие пальцы. За открытой печной дверцей потрескивали дрова. Эггеру вдруг показалось, будто из печки на него смотрит пастух: вот же его лицо! Он быстро захлопнул печную дверцу и, зажмурившись, махом выпил рюмку самогонки. Открыв глаза, Эггер увидел перед собой девушку. Уперев руки в бока, она стояла и смотрела на него. Короткие волосы льняного цвета, кожа блестит, разрумянившись от